

**ПСЕВДОЛИБЕРАЛИЗМ «ПРОСВЕЩЕННОГО АБСОЛЮТИЗМА»
ЕКАТЕРИНЫ II И ПРОТОЛИБЕРАЛЬНЫЕ ИДЕИ РУССКИХ
ПРОСВЕТИТЕЛЕЙ**

*Работа представлена кафедрой философии
Санкт-Петербургского государственного политехнического университета.
Научный руководитель – доктор философских наук, профессор В. П. Горюнов*

Капитализм уже в зачаточном состоянии обнаружил свой универсальный характер, социальные идеи не исключение. Русское Просвещение перенимает и соотносит с российской действительностью социально-философские учения западных просветителей, так возникает питательная среда для будущих буржуазных идеологий.

Capitalism demonstrated its universal nature even in the incipient condition; social ideas were not an exception. The Russian Enlightenment adopts and correlates social and philosophical doctrines of west enlighteners with the Russian reality, provoking a nutritive medium for future bourgeois ideologies.

Развитие промышленности в ведущих странах привело к быстрому росту мирового рынка и обострению конкуренции между державами. Это толкало Россию к необходимости создания собственной индустрии, способной оснастить должным

образом армию и флот и извлекать прибыль в международной торговле. Поэтому в царской России, вопреки усилению и доведению до апогея абсолютизма и крепостничества (в период царствования Екатерины II происходит закрепощение многих

сотен тысяч государственных крестьян и усиление эксплуатации), в недрах феодального общества продолжается созревание капиталистических отношений, происходит дальнейшее развитие промышленности и торговли. Промышленные предприятия наращивали производство, используя труд как насильно прикрепленных к фабрикам и заводам крепостных крестьян, так и вольнонаемных рабочих.

Таким образом, для России второй половины XVIII в. оказывается применимой характеристика, использованная К. Марксом в письме Н. Ф. Даниельсону, которую он высказал в отношении Франции начала XVIII в.: «Финансовая, торговая и промышленная надстройка или, вернее, *фасад* общественного здания... выглядел насмешкой над застойностью главной отрасли производства (сельскохозяйственного) и голода среди производителей»¹. Отметим, что русский фасад отличался большими изъянами.

Тем не менее вольнонаемный труд сразу же обнаружил свои преимущества, но имея тренд к увеличению своего веса, еще долгое время сосуществовал с трудом крепостных. Такое положение в первую очередь объясняется тем, что русское самодержавие – это феодальное государство и по этой своей природе не могло допустить того, чтобы дворянство лишилось огромных запасов даровой рабочей силы, а тем самым своего экономического и политического господства.

Первые проявления капитализма сразу же обнаружили его суть, которую выразил К. Маркс в своем главном труде «Капитал», используя удачную метафору: «Капитал – это мертвый труд, который как вампир оживает лишь тогда, когда всасывает живой труд и живет тем полнее, чем больше живого труда он поглощает»². За этот «живой труд», представленный многочисленным крепостным крестьянством, происходят столкновения между двумя классами – дворянами-помещиками и капиталистами,

представителями нового общества, в результате которых «купцы и капиталисты то отвоевывали себе право иметь при своих фабриках и заводах приписанных крестьян, то теряли его. В 1762 г. они окончательно его лишились»³.

Весь XVIII в. в истории России – это беспрерывная классовая борьба крепостного работника против своего угнетателя. Языки пламени крестьянских выступлений⁴ достигали наивысших высот во время Крестьянской войны 1774–1775 гг. под руководством Е. Пугачева и, несмотря на стихийность, неорганизованность, а также царистские иллюзии участников восстания, разрушали основы крепостничества, активизировали стремление крепостных к освобождению и создавали почву для утверждения в России новых буржуазных отношений.

Появление крупной промышленности ускорило движение русского общества от феодализма к капитализму, но во главе этого процесса оказалось само самодержавно-феодальное государство, решавшее свои насущные потребности. Данный факт отражает истинное соотношение сил между дворянством и ранней буржуазией, показывает слабость последней и подтверждает состоятельность дворянской гегемонии, что неминуемо находит свое идеологическое отражение.

Стремление представителей недворянских сословий жить по монархическим лекалам отмечал в своей записке «О потребностях империи Российской» (1799 г.) канцлер, князь А. А. Безбородко. Он считал, что наши нижние классы «застрахованы от такого «умственного разврата», как «французское мнимое равенство», ибо в России «каждый из меньшего предпочитал лично добиваться большего. Отпускаемый на волю крестьянин или казенный поселянин старается быть купцом, а разбогатевший купец – чиновником или дворянином». Безбородко чрезвычайно точно схватил тенденцию, характерную для XVIII в.

(и еще в большей степени для первой половины XIX в.) – стремление даже потенциально буржуазных слоев (свободных, казенных крестьян, купцов, мещан) жить по-феодалному⁵.

Данный факт в очередной раз подтверждает верность следующего методологического замечания: прежде чем переходить к анализу идеологических образований, необходимо изучить материальные условия, в которых они проявляются, только тогда будет возможно научное познание. Но опыт, получивший проверку в лабораториях исторического материализма, был проигнорирован многими исследователями⁶. Основывая свои выводы на внешних, идеологических сторонах явления, останавливаясь на субъективизме, отказываясь от рассмотрения всей совокупности общественных отношений, они вели науку ложным путем, создавая новые и новые товары для рынка социальных мистификаций.

Отдельные «исследователи», ссылаясь на увлечение Екатерины II философскими и социально-политическими идеями западных просветителей, сочинениями Беккариа, Руссо, Вольтера, Монтескье и Гельвеция, делают выводы о том, что она едва ли не первый либерал Российской империи или, в крайнем случае, что в ее жизни следует выделить период, когда она не беззаветно была предана либеральным идеалам и пыталась реализовать их на практике. Наличие подобных заблуждений еще в XIX в. отмечал К. Маркс: «Мысль выставить Россию защитницей либерализма и национальных стремлений не нова. Целая толпа французских просветителей прославляли Екатерину как знаменосца прогресса»⁷.

Следует разделять – одно дело пожелания и мечтания, другое – реальность. Реальностью же является то, что крепостное право – это «основа самодержавной монархии, т. е. государства крупнейших земельных собственников»⁸. Поэтому, выступив с требованием отмены крепостного права в условиях господства в экономической и по-

литической жизни России дворянства, Екатерина была бы тотчас отстранена от трона. Зная жестокую традицию политической борьбы в феодальных обществах, можно предположить, что в подобном случае ее жизнь не стоила бы и ломаного гроша. Кроме того, даже в своих самых «либеральных» текстах и высказываниях Екатерина II никогда не отказывалась от самодержавной формы правления, ибо «всякое другое правление не только было бы России вредно, но и в конце разорительно». Поэтому Екатерина II, как персонифицированное выражение крепостнического государства, никогда не воспринимала просветительские идеи как предлог к действию, а лишь как своеобразную забаву.

О том, что увлечение Екатерины II и ее окружения просветительскими идеями выполняло функцию интеллектуальной игры, свидетельствует то, как быстро от нее отказались представители аристократической элиты, когда монархический строй одной из ведущих континентальных европейских держав – Франции – был сметен революционной волной, прокатившейся под знаменами, на которых в виде лозунгов был отпечаток просветительских идеалов. Как вспоминал впоследствии секретарь императрицы А. В. Храповицкий, известие о принятии королем конституции вызвало у Екатерины «приметную досаду», но, узнав о казни короля, «ее величество слегла в постель, и больна, и печальна»⁹.

Реакция на революционные события вновь подтверждает, что защита самодержавия, антиреволюционность, консервативность – истинное содержание политики Екатерины II, в отличие от либеральной игры. В России вопрос о свержении монархии еще не стоял. Но Екатерина II сразу свернула либеральный маскарад, который и сейчас многих ставит в замешательство.

Более того, нет никаких оснований ставить знак равенства между либерализмом и просветительством. Бесспорно, возникшие на заре капитализма учения и идеи эпо-

хи Просвещения являются по своей сути предвестниками либерализма, но это еще не либерализм. Однако, следуя за действительной исторической динамикой общества, прежде всего за социально-экономическими изменениями, просветительские идеи получают свое дальнейшее распространение, но вместе с тем претерпевают существенные изменения и дополняются другими концепциями, которые впоследствии будут восприниматься генетически заданными. Сама же идеология эпохи Просвещения, пользуясь терминологией В. Ф. Пустарнакова, является протолиберальной¹⁰, потенциально либеральной, предшествующей классическому либерализму. Хотя он объясняет это не отсталостью России в капиталистическом плане, а дефицитом правосознания русского общества, которое само является следствием этой отсталости. История в очередной раз предоставляет материал, подтверждающий, что идеологии, а либерализм не является исключением, «находят в традициях, склонностях, страстях, обычаях, в незаживающих шрамах политической борьбы прошлого... мотивы для своей автономной жизни, для подпитки в качестве ложного сознания»¹¹.

Идеологический дурман эпохи Просвещения поразил среди русских самодержцев не только Екатерину, но и будущего наследника Павла Петровича, однако, как и следовало ожидать, и эта попытка была обречена на неудачу. Впоследствии и другие русские императоры время от времени использовали либеральную фразу как в светских беседах, чтобы подчеркнуть свою образованность, так и стремясь скрыть истинную, независящую от «благих пожеланий» монарших особ суть самодержавной политики.

Однако были и те, кто воспринимал эти идеи в ином свете. Русское просвещение, начав с переводов произведений древних классиков, гуманистов эпохи Возрождения, английских философов-материалистов и современных французских просветителей¹²,

получило в результате рефлексии над российской действительностью в процессе приложения к ней концепций «совершенного общества», «разумного устройства» государства и открытого обсуждения крестьянского вопроса, политическую заостренность. Именно русские просветители, а не философствующая императрица были теми, кто видел возможность преобразовать отсталую российскую действительность и направить Россию по пути «общечеловеческого прогресса», предварительно разбив архаические оковы крепостничества. Русские просветители относились к категории людей, для которых эти идеи не были простой данью моды. Просвещенные и прогрессивные представители дворянства начинали задумываться о переустройстве российского общества, о закономерностях исторического процесса.

Примером тому могут служить историко-философские рассуждения Е. С. Десницкого о том, что человечество поступательно проходит в своем историческом развитии четыре ступени: первая ступень – когда люди вели бродячий образ жизни, занимались звероловством и сбором готовых продуктов природы; вторая – когда люди перешли к занятию скотоводством; третья – когда они стали заниматься земледелием; четвертая – когда перешли к «коммерческому состоянию»; последнюю ступень он считал высшей формой общественной жизни. В политическом измерении он был довольно консервативен: «Монарх всероссийский – в Российской церкви и империи есть самодержец». Главным подтверждением его консерватизма было то, что Е. С. Десницкий не осуждал крепостного права и не призывал к его отмене.

Наиболее заметные фигуры просветительства сконцентрировались вокруг просветительских журналов (сатирические журналы Н. И. Новикова «Трутень» и «Живописец», выходившие в 1769–1773 гг.),

объективно ставших рупором интересов становящейся русской буржуазии, но еще не достигшей осознания в качестве класса для себя. В них крепостное право, в отличие от оценок предшественников, критиковалось не только с точки зрения экономики и юриспруденции, но также и с позиций нравственности (на многочисленных примерах показывалась аморальность крепостничества), не стоит забывать, что Н. И. Новиков прежде всего гуманист.

Критика крепостных порядков, полемика с Екатериной, вскрытие истинного содержания ее политики почти не оставляли места для веры в «просвещенного монарха». Это неминуемо закончилось давлением со стороны самодержавной власти и, наконец, летом 1773 г. закрытием журналов. Со страниц этих журналов русские читатели узнавали о событиях не только на европейском континенте, но и новости из-за океана, ход войны Америки за независимость, при этом открыто выражались симпатии к американцам. Более того, Н. И. Новиков считал, что провозглашенная республика станет «прибежищем свободы, изгнанной из Европы».

Но среди русских просветителей были и те, кто видели архаичность монархии вообще и являлись убежденными республиканцами. Наиболее яркий пример представляет А. Н. Радищев, который рассматривает самодержавие как состояние, «наипротивнейшее человеческому естеству». В отличие от Ш. Монтескье, различавшего просвещенную монархию и деспотию, А. Н. Радищев ставил знак равенства между всеми вариантами монархического строя. Царь – «первейший в обществе убийца, первейший разбойник, первейший предатель». Радищев не верил в возможность появления на троне просвещенного монарха: «Просвещенного монарха нет и не будет» – и был убежден, что свободы следует ожидать не от «добрых помещиков», а от непомерной тяжести порабощения, кото-

рое вынуждает народ искать пути своего освобождения.

Именно в лоне просветительства закладываются основы либерализма, который затем в процессе своей эволюции освоит и включит в себя в искаженном виде содержание последующей и предыдущей истории российского общества, а также весомый пласт мировой культуры и истории. Причем внимательный исследователь сразу обнаружит, что в протолиберализме екатерининской эпохи явно выделяются две модификации – руссоистская, получившая развитие в новолиберальной доктрине и демократизме; и гоббсовская, воплотившаяся в дворянском либерализме второй половины XIX в. Классическому либерализму в силу социально-экономической отсталости крепостнической России так и не суждено было проявиться в полной мере, его распространение ограничилось несколькими университетскими кафедрами и краткосрочной полемикой на страницах журналов, которые также были доступны только узкому кругу лиц.

Подводя итог, отметим, что преобладание монархических настроений и элитарность, почти тотальный антидемократизм характеризуют протолиберальные воззрения второй половины XVIII в. Это вызвано в первую очередь неоспоримым доминированием феодальных отношений над капиталистическими. Поэтому буржуазия могла рассчитывать лишь на то, что самодержавие будет благосклонно к ней, другими словами, буржуазии в силу ее слабости приходилось уживаться с аристократией. Таким образом, получилось то, что экономическая отсталость крепостной России способствовала неформальности классово-идеологии русской буржуазии. Однако проявившиеся на этапе становления буржуазии характеристики протолиберализма не исчезли бесследно, они оставили заметный след в истории этого класса в XIX и начале XX в.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Маркс К., Энгельс. Ф.* Собр. соч. 2-е изд. М, 1960. Т. 34. С. 292–293.

² Там же. С. 244.

³ *Невский В.* История РКП (б). Краткий очерк. Л.: Прибой, 1926. С. 7.

⁴ В 60-х гг. XVIII в. в центральных и восточных губерниях России прокатилась волна крестьянских волнений, в которых одновременно участвовало (по официальным данным) около 100 тыс. крестьян церковных имений, 100 тыс. крестьян, приписанных к горным заводам, и 50 тыс. крестьян помещичьих имений.

⁵ *Худушина И. Ф.* Царь. Бог. Россия. Самосознание русского дворянства (конец XVIII – первая треть XIX вв.). М.: ИФРАН, 1995. С. 95–96.

⁶ Примеров не счесть, перечислю лишь некоторых из исследователей: В. В. Леонтович, Л. И. Новикова, И. Н. Сиземская, И. Д. Осипов, А. В. Гордон и многие другие.

⁷ *Маркс К., Энгельс. Ф.* Указ. соч. С. 511.

⁸ *Невский В.* Указ. соч. С. 9.

⁹ *Храповицкий А. В.* Дневник. 1782–1793. М., 1902. С. 219, 246. Цит. по: *Худушина И. Ф.* Указ. соч. С. 91–92.

¹⁰ Либерализм в России / Под ред. В. Ф. Пустарнакова и И. Ф. Худушиной. М.: ИФРАН, 1996. С. 52.

¹¹ Научная связь между поколениями // Бюллетень Интернационалист. 2004. № 27.

¹² С 1767 по 1777 г. русскими просветителями было переведено и издано отдельными сборниками более 400 статей, определивших идейное направление «Энциклопедии»: «Политика», «Политическая экономия», «Правление», «Деспотическое правление», «Ограниченная монархия», «Демократия», «Самодержцы», «Тиран», «Узурпатор», «Естественное право» и др., около 60 произведений Вольтера, «Дух законов» Монтескье и многие другие.